

Ду Чэн покачал головой:

— Подожди несколько дней, я спущусь и поищу, может, найду маленький холодильник, который ещё можно использовать.

Двустворчатый холодильник в пространстве жрал слишком много электричества. Когда Ху Цзы и остальные переедут к ним, в такую жару обязательно нужно будет поставить кондиционер. Солнечный генератор, который они выменяли раньше, ещё мог питать два кондиционера и мелкие бытовые приборы, но с добавлением большого холодильника уже было бы трудновато.

Нин Циянь кивнул. Похоже, в ближайшее время с едой нужно быть осторожнее. Мясо, яйца, фрукты — без холодильника нельзя будет объяснить их происхождение.

— Когда мы познакомимся поближе, посмотрим, что за человек Нин Сяовэнь. Может, и ничего страшного, если он узнает о пространстве, — вдруг сказал Ду Чэн, принимая из рук Нин Цияня удлинитель и подключая индукционную плиту.

Нин Циянь опешил:

— А можно ли, чтобы об этом узнали?

Ду Чэн выпрямился и посмотрел на него:

— Если отношения будут достаточно близкими, они, возможно, будут беречь этот секрет даже больше, чем мы.

— ...Достаточно близкими? — не понял Нин Циянь.

Ду Чэн увлёк его за собой на кровать:

— Я знаю Ху Цзы. Для него важнее всего Нин Сяовэнь. Родители Нин Сяовэня умерли, когда он был маленьким, а после того, как их отношения с Ху Цзы раскрылись, он порвал и с остальными, не слишком близкими родственниками и друзьями. Все эти годы он каждый месяц ездил в тюрьму на свидания. Если говорить прямо, у него остался только один близкий человек — Ху Цзы. И ты сам видишь, какой у него характер: честный, тихий, безответный. Но если он считает кого-то своей семьёй, то он очень преданный.

Нин Циянь моргнул. В то, что Нин Сяовэнь предан, он верил. Не каждый сможет оставаться верным человеку столько лет после того, как тот сел в тюрьму. Тем более что их с Ху Цзы даже законный брак не связывал.

— Неужели он станет хранить наш секрет только из-за тех двух тысяч цзиней зерна, которые мы отдали? — не поверил Нин Циянь.

Ду Чэн пристально посмотрел ему в глаза.

— Его фамилия Нин.

...Нин?

— У вас одна фамилия, и вы очень похожи.

...

Нин Циянь, кажется, понял, что имел в виду Ду Чэн, и в голове у него всё смешалось.

Когда он впервые увидел Нин Сяовэня, у него мелькнула эта мысль, но подсознательно он её подавил.

Он был сиротой, вырос в детдоме, и как бы трудно ни было, у него был только Ду Чэн. Теперь они и сами неплохо жили.

Он уже вышел из того возраста, когда нужна забота кровных родственников.

Ду Чэн не стал его тревожить. Нин Циянь был взрослым человеком со зрелым умом, и некоторые вещи он должен был осмыслить сам.

Нин Циянь посидел ещё немного. Увидев, как Ду Чэн неуклюже начал промывать рис, он перестал терзаться сомнениями.

Если бы они с Нин Сяовэнем были прямыми родственниками, тот, увидев его утром, не мог бы не выдать хоть какой-то реакции.

Может, между ними и вовсе нет кровной связи, а просто совпала фамилия и внешнее сходство! Он тут сам себя изводит, а толку нет. Лучше потом потихоньку разузнать, что думает Нин Сяовэнь.

Отбросив эту мысль, Нин Циянь взял у Ду Чэна кастрюлю и начал готовить ужин. Ду Чэна же он отправил в пространство — набрать колодезной воды в свободные вёдра, чтобы потом выдавать её за бесплатную воду из водонапорной станции.

Когда Ху Цзы и Нин Сяовэнь пришли к дому Ду Чэна, большая дверь, ведущая в коридор, была распахнута настежь.

В доме Нин Циянь уже сварил рис, а сверху выложил слой тонко нарезанной вяленой колбасы. Ароматный жир впитался в рис, так что даже у Нин Цияня и Ду Чэна, которые обычно ни в чём себе не отказывали, потекли слюнки.

Когда раздался стук в дверь, Нин Циянь как раз тушил консервированную кукурузу с кубиками ветчины. А Ду Чэн вместе с Ду Дабао и двумя котятами возился у двери спальни с клеткой для перепелов, которую смастерил раньше.

Он купил этих десятков перепелов только потому, что они не занимали много места. Держать — так держать, хорошо, если нести яйца будут. Но через несколько дней выяснилось, что перепела слишком пугливые: чуть какой звук — сразу шарахаются, перья дыбом. Даже Нин Циянь, далёкий от сельского хозяйства, понимал, что в таком состоянии яиц от них не дожидаться. Но заставить другую скотину в пространстве молчать было невозможно, так что эти перепела оказались бесполезны. Даже если забить на мясо, мяса там — кот наплакал, одни хлопоты.

Как раз когда Ду Чэн решил поселить Ху Цзы и Нин Сяовэня по соседству, Нин Циянь решил отдать перепелов им — пусть сами решают, держать их или съесть.

Ду Чэн взял по котёнку в каждую руку, а третьего зажал под мышкой — это был Ду Дабао — и пошёл открывать дверь. Если бы он их оставил, то, не успели бы перепелов отдать, как они бы все от страха передохли.

Дверь открылась.

Увидев бесстрастное лицо Ду Чэна и зверей, на нём висящих, Ху Цзы и Нин Сяовэнь мигом забыли о своей неловкости и стеснении.

Ху Цзы невольно усмехнулся, глядя на Ду Чэна:

— Ты что, всей семьёй вышел меня встречать?!

Ду Чэн взглянул на него, ничего не сказал, но кивнул стоящему рядом Нин Сяовэню и посторонился, пропуская их.

Как только они вошли, первым делом почувствовали не прохладу от кондиционера, а запах еды, доносившийся из спальни.

Всю дорогу сюда, сквозь духоту и смрад снаружи, этот аромат казался особенно манящим.

Ху Цзы, не обращая внимания на Ду Чэна, быстро прошёл в спальню.

— Циянь, а что это ты готовишь?

Нин Цияня ничуть не смутило такое панибратское обращение; наоборот, он почувствовал в нём расположение. Это было куда приятнее, чем церемонная благодарность, от которой он чувствовал себя неловко.

— Вы как раз вовремя. Я только что закончил, давайте скорее к столу, — улыбнулся Нин Циянь, выкладывая овощи из сковороды на тарелку. — Ду Чэн, вынеси пока клетку, а Ду Дабао и этих оставь в комнате.

Ду Чэн ссадил с себя троих зверей, пресёк их попытки броситься к клетке, вынес её в гостиную, вернулся в комнату и закрыл дверь, больше не обращая внимания на троицу, крутившуюся у порога.

— Ду Дабао? — Ху Цзы, усаживая всё ещё скованного Нин Сяовэня за стол, услышал это и рассмеялся.

Ду Дабао, услышав своё имя, прибежал от двери и принялся тереться у ног Нин Цияня. Два котёнка, увидев это, тоже последовали за ним, забыв о перепелах за дверью.

Нин Циянь разложил рис по тарелкам и тоже сел.

— Просто так назвал, не смейтесь, — сказал он и пригласил всех начинать.

Ху Цзы, усмехнувшись, взглянул на молчаливого Ду Чэна, не стал церемониться и принялся за еду.

Рис, пропаренный с колбасой, яичница, кукуруза с ветчиной, салат из зелени с соусом и суп из морской капусты.

И не только для Нин Сяовэня, который целый месяц питался хлебом и печеньем, но и для Ху Цзы, которого уже тошнило от тюремной баланды, это было настоящим пиршеством. Они наелись до отвала.

После еды Нин Циянь убрал посуду и пошёл её мыть. Видя, что Нин Сяовэнь настаивает на том, чтобы пойти с ним, не стал препятствовать. Закончив, Нин Циянь вышел из кухни, неся пакет с фруктами.

— У тебя до сих пор это есть? — удивился Ху Цзы, глядя на мангустины в миске.

Ду Чэн, который после обеда рассказывал Ху Цзы о текущей ситуации, замолчал, только когда они вошли.

— В университетском городке есть торговая улица, там обменял, — сказал Ду Чэн.

Ху Цзы понимающе кивнул:

— Тоже на зерно?

Ду Чэн кивнул.

Ху Цзы очистил несколько штук и передал Нин Сяовэню, сам попробовал один и больше есть не стал. Встав, он сказал:

— Пойду взгляну на соседнюю квартиру.

Ду Чэн взял ключи и пошёл с ним.

— Место поменьше, чем у меня, но вам двоим хватит. Две комнаты, две гостиные. В одной раньше хранили вещи, остальное засажено грядками. Сами решайте, что убирать, — открыв дверь, Ду Чэн предоставил Ху Цзы осмотреться.

Ху Цзы обошёл всё и присвистнул:

— Купил для тебя? — он имел в виду, что тот решил стать соседом навсегда?

Ду Чэн посмотрел на него:

— Это аренда. Мой дом — рядом. И в свидетельстве на квартиру моё имя.

Ху Цзы опешил, потом, усмехнувшись, погрозил ему пальцем:

— А ты, парень, даёшь! — Он что, не заметил, как тот красуется?! — Скажи мне честно, есть надежда? Мне с Сяовэнем замолвить за тебя словечко?

— Не надо. Он может быть только моим, — твёрдо сказал Ду Чэн.

Ху Цзы покачал головой. Будем надеяться, что Ду Чэну повезёт так же, как и ему!

— Эта квартира арендована? До землетрясения или после? Сколько платите?

— После. Пятьсот цзиней зерна в год. Я уже заплатил за два года. Можете жить спокойно.

Ху Цзы погладил подбородок:

— Похоже, главное — это зерно.

Ду Чэн кивнул:

— Прошёл уже месяц после землетрясения, а правительство ещё не организовало восстановительные работы. Несколько дней назад я слышал, что часть военных ушла из города D, кажется, в горы Цанъюнь. Учитывая ещё и погоду, лишний запас зерна не помешает.

Ху Цзы задумался, потом кивнул:

— Ты прав. Времена, похоже, тяжёлые. Лучше запастись побольше еды. Пусть даже испортится, чем потом, не дай бог, голодать. — С этими словами он увлёк Ду Чэна в единственную пустующую комнату. — Давай, рассказывай, что ты задумал.

— Сейчас жарко, днём из дома не выйти. Будем выходить за припасами по ночам. В основном нужно то, что можно долго хранить: еда и лекарства. А ещё тёплая одежда на зиму. Если лето такое жаркое, зима, боюсь, будет очень холодной.

Ху Цзы, не колеблясь, согласился:

— Сегодня же и начнём. А эти двое, с руками-веточками, пусть дома сидят. — Если что случится, те двое только помешают.

Договорившись, они вернулись обратно. Нин Циянь как раз закончил рассказывать Нин Сяовэню о перепелах, и Ху Цзы вместе со своим любимым человеком и клеткой с перепелами отправился в квартиру, которая должна была стать их домом.

Зная, что Ду Чэн собирается выйти с Ху Цзы ночью, Нин Циянь не стал возражать. Вдвоём им будет спокойнее. Да и Ху Цзы выглядел здоровым и свирепым, от него так и разило бандитской удалью. Хорошо, если он сам на кого не позарится, кто ж к нему сунется?!

А тем временем Нин Сяовэнь, идя за своим любимым к соседям и видя, как тот непринуждённо открывает дверь ключом, заколебался.

— Мы вот так просто здесь останемся?.. — Это... нехорошо, наверное.

Ху Цзы, ведя Нин Сяовэня через гостиную, мимо грядок, в спальню, поставил перепелов и заключил его в объятия.

— Ничего страшного, долги не тяготят. Мы запомним эту доброту и со временем постараемся отплатить, — глухо произнёс Ху Цзы, слегка сгорбившись и крепко прижимая к себе исхудавшего любимого, уткнувшись лицом ему в шею.

Нин Сяовэнь тихо «угукнул» и тоже обнял любимого, чувствуя, как к горлу подступает комок.

Пятнадцать лет.

Наконец-то он снова может обнять любимого.

Они стояли молча, обнявшись, пока не начало темнеть, и только тогда разжали руки.

Ху Цзы подвёл Нин Сяовэня к кровати и усадил рядом.

— Скоро придёт Ду Чэн, и мы спустимся за припасами. Сейчас мы голы как соколы, нельзя всё время сидеть на их шее. Да и, судя по словам Ду Чэна, дальше будет только хуже. Нужно запастись по максимуму, на всякий случай.

Нин Сяовэнь резко поднял голову, едва не стукнув Ху Цзы подбородок.

— Я тоже пойду. Вдвоём мы больше соберём.

Ху Цзы прижал его голову к своей, коснувшись лбом его лба.

— Не надо. Мы с Ду Чэном умеем постоять за себя, если что — справимся. Если ты пойдёшь, нам придётся ещё и о тебе беспокоиться. К тому же Ду Чэн не хочет оставлять Цияня одного. Вы друг другу составите компанию.

Нин Сяовэнь, не отрывая лба от лба Ху Цзы, кивнул. Он привык во всём его слушаться с детства, и даже после пятнадцати лет разлуки, когда любимый вернулся, он не мог изменить этой привычке.

Видя, что Нин Сяовэнь по-прежнему послушен, как в молодости, Ху Цзы беззвучно усмехнулся.

— На днях я попробую найти работающие кондиционеры и шторы. У Ду Чэна есть генератор, подключим кондиционер — дома будет комфортнее. А то я заметил, что зелень у них растёт лучше. Будем днём спать, а ночью я буду уходить. Ты же будешь дома: ухаживай за грядками, корми перепелов. Если станет скучно, я принесу тебе котёнка или щенка.

Нин Сяовэнь замотал головой:

— Нет уж, ты что, не видел, как эти перепела от их Ду Дабао и тех двоих шарахаются?!

Ху Цзы, видя, как он переживает, засмеялся так, что затряслась грудь.

— Ладно, не будем.

Нин Сяовэнь закусил губу:

— А грядки здесь нам отдали? Я посмотрел: там почти созрел салат. Когда поспеет, лучше отдать им.

— Не надо, не считай так уж. У них своей зелени полно, куда им столько? Мы можем есть её сами. А если останется, засолим. Если захотят, дадим и им.

Нин Сяовэнь кивнул, помолчал и нерешительно посмотрел на любимого.

— Что? — спросил Ху Цзы.

— ...Тебе не кажется, что Циянь немного на меня похож...

Ху Цзы прищурился. «Немного» похож? Да любой скажет, что они родня!

Когда он впервые увидел фотографию Нин Цияня, его поразило сходство с Сяовэнем. А сегодня, когда они стояли рядом, это сходство стало просто поразительным.

— Ты уверен, что у тёти Нин и дяди Нин ты был единственным ребёнком? — с подозрением спросил Ху Цзы.

Нин Сяовэнь уверенно кивнул:

— Цияню сейчас двадцать семь, он на одиннадцать лет младше меня. Ты забыл, мой отец умер, когда мне было восемь. Циянь не может быть моим братом. — Тут он задумался.

Ху Цзы, заметив, что он, кажется, о чём-то вспомнил, поднял глаза.

— Помнишь двоюродного брата, сына моего дяди?

Ху Цзы прищурился и почти выплюнул:

— Этого подонка, у которого все пороки? — Он никого не мог забыть, только этого мерзавца. Если бы не он, застукавший их с Сяовэнем за поцелуем, их отношения не стали бы всеобщим достоянием. Да пусть бы и знали, это было правдой: они, двое мужчин, действительно любили друг друга. Но этот подонки не должен был, ни в коем случае, приводить городских хулиганов, чтобы они обижали Сяовэня. Именно тогда Ху Цзы, потеряв над собой контроль, ввязался в драку, в которой один был убит и двое тяжело ранены, и его посадили.

Нин Сяовэнь успокаивающе погладил его по лицу, помогая унять гнев.

— При чём тут он? Ты думаешь, Циянь имеет к нему какое-то отношение? — отдышавшись, спросил Ху Цзы.

Нин Сяовэнь кивнул:

— Помню, когда мне было десять, мать говорила, что двоюродный брат женится и семье нужно собирать деньги на подарок. В деревне ходили слухи, что он обрюхатил девушку, поэтому и торопился со свадьбой. Но на следующий год дядя внезапно умер, и это дело замяли. Как думаешь, если Циянь действительно носит фамилию Нин, не может ли он быть тем ребёнком?

— Циянь действительно носит фамилию Нин. Ду Чэн говорил, что у Цияня есть золотой замочек, на котором выгравировано «Нин Циянь». Похоже, он был на нём, когда его оставили у дверей детского дома, — вспомнил Ху Цзы слова Ду Чэна.

Золотой замочек...

Вдруг раздался стук в дверь. Оба вздрогнули и заметили, что уже стемнело.

— Наверное, Ду Чэн пришёл звать меня вниз. Пока не говори ничего Цияню. Неважно, родственники вы или нет, будем общаться как обычно, — наказал Ху Цзы.

Нин Сяовэнь кивнул и пошёл с ним открывать дверь.

За дверью стоял уже готовый Ду Чэн. Увидев их, он посмотрел на Нин Сяовэня.

— Циянь дома. Если хочешь, можешь зайти посидеть, — сказал Ду Чэн.

Нин Сяовэнь покачал головой и с улыбкой объяснил:

— Не буду мешать. Мы только устроились, в доме ещё многое нужно привести в порядок.

Ду Чэн кивнул и протянул ему заряжаемый фонарь. К этой квартире ещё не был подключён генератор, так что электричества пока не было.

Когда они спустились вниз, Нин Сяовэнь закрыл дверь.

В этот вечер Нин Циянь и Нин Сяовэнь, нарушив обычай, спустились вниз и вышли на улицу. Ду Чэн и Ху Цзы, разумеется, последовали за ними.

Было уже около пяти вечера, но температура всё ещё достигала тридцати одного-двух градусов, хотя это было куда лучше, чем тридцать семь в полдень.

Прошла уже неделя с тех пор, как поселились Ху Цзы и остальные. Все эти дни они спали днём и бодрствовали ночью. С каждым днём становилось всё жарче, а ночи — короче. Солнце садилось только после девяти вечера, а вставало уже в четыре утра. Даже без официальных уведомлений горожане понимали, что вся планета изменилась.

Первые две ночи Ду Чэн и Ху Цзы собирали припасы вручную. На третью ночь Ху Цзы нашёл автокран, наполовину ушедший в канализационный люк. Потратив целую ночь, они вдвоём вытащили его. Кран оказался на ходу, и Ху Цзы умел им управлять. С его помощью они смогли достать много припасов, придавленных большими плитами. После этого их улов стал ещё больше: за ночь они делали по пять-шесть ходок на машине Нин Цияня, чтобы перевезти всё

наверх.

Ху Цзы шутил, что самое утомительное — не собирать припасы, а таскать их наверх.

Даже когда Нин Циянь и Нин Сяовэнь спускались помочь, каждому приходилось за ночь взбираться на одиннадцатый этаж с грузом больше десятка раз.

Их успехи, конечно, не остались незамеченными, но как Ду Чэн и Ху Цзы разобрались с завистниками, осталось неизвестно. Те, кто положил на них глаз, исчезли меньше чем за три дня.

О своих методах Ду Чэн не рассказывал, а Нин Циянь не спрашивал.

— Народу полно, — вздохнул Нин Циянь, глядя на торговую улицу, полную народа.

Ху Цзы заглянул внутрь и усмехнулся:

— Продавцов-то раз-два и обчёлся. В основном все или покупают, или просто шатаются.

Нин Циянь пожал плечами и посмотрел на Нин Сяовэня:

— Зайдём?

Идея выйти прогуляться пришла спонтанно. Было жарко, народу много, и при мысли о запахе пота в толпе Нин Цияня начинало подташнивать.

Нин Сяовэнь посмотрел на Нин Цияня, потом на многолюдную улицу и заколебался.

Нин Циянь по его лицу понял, что тому интересно, пожал плечами, достал из кармана штанов четыре маски и маленькую коробочку с вьетнамской звёздочкой.

Он нанёс бальзам под нос, надел маску — так стало гораздо легче дышать.

— Пошли, — сказал Ху Цзы, и, когда все были готовы, он, обняв Нин Сяовэня за плечи, первым шагнул в толпу.

То ли нарочно, то ли нет, но Ду Чэн тоже обнял Нин Цияня.

Нин Циянь промолчал и не стал сопротивляться.

А в том месте, куда Нин Циянь не смотрел, Ху Цзы обернулся и с насмешливой улыбкой

стрельнул глазами в Ду Чэна.

— Только что созревшие молодки! Количество ограничено! Кто первый — того и тапки!

Издалека донёсся крик зазывалы.

— Куры? — глаза Нин Сяовэня загорелись, и он потащил Ху Цзы вперёд.

Раньше, когда он жил дома, он тоже держал кур и уток. Потом Ху Цзы посадили, его в деревне перестали уважать, он уехал в город работать и больше живностью не занимался. Только приехав в D, он взял у Нин Цияня перепелов и снова начал разводить птицу.

Своих перепелов он разделил на две клетки, и сейчас они уже начали нести яйца. Не каждый день, но семь-восемь перепелиных яиц в день стабильно было. Даже когда три зверюги из дома Нин Цияня приходили в гости, это никак не влияло.

Вот бы ещё завести парочку несушек!

— А почём куры? — Нин Сяовэнь протиснулся вперёд и внимательно рассмотрел кур в клетке. На вид — молодки, только что выросшие. Неизвестно, начали ли они нестись, но если хорошо ухаживать, точно будут.

— Пятьдесят флаконов одеколona за штуку, — не задумываясь, ответил молодой человек, продававший кур.

— Одеколona? — опешил Нин Сяовэнь. Разве сейчас не все расплачиваются зерном?

<http://bllate.org/book/18708/1808067>